

О ЛЕКСИКЕ ОСЕТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СВАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема осетинско-сванских языковых связей естественно вырастает из культурно-исторического контекста длительных и прочих связей, сложившихся между осетинским и грузинским народами¹. История и археология застают языковых предшественников современных осетин на обширных пространствах и предгорьях Северного Кавказа еще в VIII—III вв. до н. э. На фоне общей проблемы осетинско-грузинских языковых встреч, изучение которых уже располагает некоторой традицией², вопрос об осетинско-сванских языковых взаимоотношениях приобретает дополнительный интерес, если учесть, что в картвельском языкознании до сих пор, по-видимому, остается непреодоленной известная гипотеза Н. Я. Марра о смешанном характере сванского языка³. Эта заметка ставит перед собой скромную задачу подвести некоторые итоги изучения так называемых аланизмов в сванском языке.

В настоящее время ареальный контакт между осетинским и сванским языками почти полностью отсутствует. Однако существование его в прошлом с необходимостью вытекает как на основании чисто лингвистического материала (наличие языковых встреч, аланская топонимика верховьев Кубани, Баксана, Чегема и Черека⁴, так и на основании единства куль-

¹ Первый опыт обобщения различных аспектов осетинско-грузинских взаимоотношений дан в работе: Г. Д. Тогошвили. Из истории грузинско-осетинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV века). Сталинири, 1958 (на груз. яз.).

² Ср.: Н. Я. Марр. *Ossetica-Japhetica*. «Изв. Российской Академии наук», № 18. Пг., 1918, стр. 2069—2100; В. И. Абаев. К характеристике современного осетинского языка. «Яфетический сборник», VII. Л., 1932, стр. 57—80; его же. Осетинский язык и фольклор, 1. М.—Л., 1949, стр. 526—528, 323—330; его же. О некоторых осетинских элементах в грузинском языке. «Труды Института языкознания АН СССР», т. VI, 1956, стр. 437—441; Г. Ахвледиани. Сборник избранных работ по осетинскому языку, кн. 1. Тбилиси, 1960, стр. 160—210 и др.

³ См.: Н. Я. Марр. Где сохранилось сванское склонение? «Изв. имп. Академии наук», № 16. СПб., 1911, стр. 1199—1206; его же. Из поездок в Сванию. «Христианский восток», т. II, вып. 1. СПб., 1913, стр. 16—20; его же. Кавказоведение и абхазский язык. — ЖМНП, ч. LXIII, № 5, 1916, стр. 15.

⁴ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1, стр. 271—290.

турно-исторического контекста, в котором в течение длительного времени жили носители этих языков (в этом отношении интересны поразительные фольклорные встречи в сюжетах из нартовского эпоса, отмеченные В. И. Абаевым)⁵. Достоверно известно о многовековой экспансии аланов с Северного Кавказа в центральные области исторической Грузии. Эта экспансия поставила в грузинской историографии очень сложный и интересный вопрос о так называемых двалах, в которых некоторые исследователи видят древнейших представителей аланской речи в Закавказье⁶. С другой стороны, имеются прямые указания на расселение сванов на севере за Кавказским хребтом в период между XIV—XVII столетиями⁷, а также на то, что примерно в эту же эпоху в области Рача, смежной с Южной Осетией, еще говорили по-свански (сванская топонимика Рачи и Верхнего Лучхуми изучена М. М. Калдани⁸). Старое сванское название осетин *saw-j-är* 'савиары' (*är* — морфема множественного числа в именах; форма единственного числа — *mə-säv*, где налицо префикс имени происхождения *mə*-) было перенесено сванами на тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, занимающих ныне прежние места расселения алан. В специальной литературе предполагается, что перенос данного этнонима с осетин на балкарцев и карачаевцев должен был произойти около XIII—XIV столетий, когда в связи с монгольским нашествием и постепенной сменой этнического состава населения Кабарды почти прекратились непосредственные осетинско-сванские контакты⁹.

Этимологические исследования В. И. Абаева выявили факты обоюдного осетинско-сванского языкового влияния. Не обнаружено пока каких-либо заимствований морфологического харак-

⁵ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 304—306.

⁶ Двальская проблема не может считаться окончательно решенной, ср.: Г. С. Ахвледиани. «Южноосетинский» или «двальский»? «Наша наука», Тбилиси, 1925, № 3-4, стр. 14—16; его же. Сборник избранных работ по осетинскому языку, I, стр. 65—79; Д. В. Гврितिшвили. К вопросу об этнической принадлежности «двалов» и о переселении осетин в Картли. «Мимомхилвали», Тбилиси, 1949, № 1, стр. 109—120; В. Гамрекели. О племени двалов (к вопросу об этнической принадлежности и исторических судьбах племени двалов). «Материалы по этнографии Грузии», IX, Тбилиси, 1957, стр. 178—210.

⁷ Л. И. Лавров. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века. «Краткие сообщения Института этнографии», X, М.—Л., 1950, стр. 82—83 и сб. «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952, стр. 337—342.

⁸ См.: М. М. Калдани. К вопросу о суффиксе *-iš* (*-š*) в грузинской географической номенклатуре. «XVIII Научная сессия Института языковедения (план работы и тезисы докладов)», Тбилиси, 1959, стр. 18—20.

⁹ Ср.: Н. Я. Марр. Избранные работы, т. IV, Л., 1937, стр. 197; см. также: Г. С. Ахвледиани. *Ossetica-Georgica*. «Иав. Североосетинского научно-исследоват. ин-та», т. XXII, вып. 1. Орджоникидзе, 1960, стр. 29.

тера, не видно его следов и в области фонетического строя. Все заимствования распространяются в наиболее проницаемой для иноязычных влияний сфере языка — его словарном составе, основной заимствующей стороной при этом оказывается сванский язык, где насчитывается несколько десятков аланизмов, в то время как в осетинском языке с большей или меньшей степенью достоверности можно усмотреть лишь единичные сванизмы. Ниже приводится список наиболее достоверных аланизмов, выявленных в сванском языке¹⁰:

Сванск. *arsan* 'крепкая веревка из конопли и щетины' < осет. *ræscæn* (?) 'веревка'. Обращает на себя внимание, что в осетинском это слово сохранилось в незакономерной форме — с *t* вместо ожидаемого *s*: *rætcæn*. Ср. др.-инд. *raśanā-* 'веревка' (ПС, 298)¹¹.

Сванск. *bale* (объектн. пад. *bala-s*, *bale-s*) 'древесный лист' < осет. ир. *bælas* / диг. *bælasæ* 'дерево с листвой'. Предполагается связь осетинской основы с др.-инд. *palāśa-* 'листва'¹².

Сванск. *bwast* / *bwasd* 'мир, вселенная' < осет. *bæstæ* 'страна, мир' (ПС, 300); восходит к общеиранск. **upasta-* (ЭС, 255).

Сванск. *buran* 'помет мелкого скота' < осет. ир. *byron* / диг. *burojncæ* 'мусор, сор' (ПС, 300).

Сванск. *guna* 'копоть' < осет. ир. *ḡuna* / диг. *quna* 'плесень'. Слово должно идти из осетинского, в котором чередование *ḡ* / *q* характерно для основ индоевропейского происхождения¹³.

Сванск. *gurana* / *gurna* 'круглый камень для толчения зерен или соли', 'пест' < осет. ир. *kuroj* / диг. *kurojncæ* 'мельница' (ПС, 297).

Сванск. *dalisw* / *dalüs* 'барашек от шести месяцев до года' < осет. ир. *dalis* / диг. *dalys* то же значение (ЭС, 655); возможно, восходит к **dāriśa-* или *dāriśi-* (ср. др.-инд. *dārikā-* 'дочь', 'девушка'; *dāraka-* 'мальчик', 'молодое животное').

Сванск. *darg* 'козленок от шести месяцев до года' < осет. ир. *dærk* / диг. *dærkæ* 'телка', 'годовалый козленок' (ЭС, 655); ср. др.-инд. *dāraka-* 'мальчик', 'молодое животное'.

Сванск. *woräš* 'сусло для араки (водки)' < осет. *wæras* 'брага' (ПС, 298—299)¹⁴.

¹⁰ Основная часть их выявлена в статье В. И. Абаева «Поездка в Сванетию», стр. 294—301 (далее сокращенно — ПС), а также в его «Историко-этимологическом словаре осетинского языка», т. 1, АН СССР. М.—Л., 1958 (далее сокращенно — ЭС).

¹¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 139—140; см. также: Вяч. Вс. Иванов. Проблема языков centum и satəm. — ВЯ, 1958, № 4, стр. 15.

¹² См. ЭС, 247.

¹³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 88.

¹⁴ Ср.: Ю. Немет. Список слова на языке ясов, венгерских алан. Пер. с нем. и примеч. В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960, стр. 10.

Сванск. *zad* 'солод' < осет. *zad* то же (ПС, 296); осет. *zad* представляет собой причастие прошедшего времени от глагола *zajyn* 'расти' и буквально значит 'проросшее (зерно)'.

Сванск. *talapa* 'ресница' < осет. *taɛfalæ* то же (ср. ПС, 299).

Сванск. *ḱadar* 'сухой' < осет. *ḱætaer* 'застывший' (ЭС, 631).

Сванск. *ḱānk'-ūl* 'малюсенький' < осет. *ḱannæg* 'маленький', 'малый'. Слово имеет иранскую этимологию, ср. ир. **kaŋya-ka* 'малый', 'юный' (ср. ЭС, 618); *-ūl* в сванском является известным уменьшительным суффиксом.

Сванск. *manāš* 'рожь' < осет. *mænoew* 'пшеница' (ПС, 296). В осетинском слово стоит в одном ряду с другими названиями растений с начальным *mæ-*¹⁵.

Сванск. *manda* 'желание', 'воля' < осет. *mondag* 'страстное желание'. В осетинском слово входит в «гнездо» корня *mon-* с общим значением 'проявлять духовную активность' (ср. *amonyn* 'наставлять', 'показывать'; *amond* 'счастье'...), отражающего индо-иранск. **man-*.

Сванск. *matata* 'ядовитое растение' < осет. ир. *mætatyk* / диг. *tatuk* 'съедобное растение' (ПС, 295). Подобно *mænoew* это слово входит в осетинском в ряд названий растений с начальным *mæ-*¹⁶.

Сванск. *maḱwšdäg* / *maqvšdag* 'бедро, ляжка' < осет. *mæḱ'ustag* 'плечевая кость' (ПС, 299). Во второй части слова распознается осетинское *stæg* 'кость'.

Сванск. *mōg* 'мушмула' < осет. ир. *mugæ* / диг. *mogæ* то же (ПС, 295). В сванских диалектах сохраняется и исконное картвельское название мушмулы *žuntw* / *zunt'* (ср. груз. *zymartl-*, занск. *chimuntur-* и др.)¹⁷.

Сванск. *məršk'* / *māšk'* 'муравей' < осет. ир. *mælzug* / диг. *mulzug* то же (ПС, 297). Староосетинская форма восстанавливается в виде **murčuk* и связана с др.-ир. *mauri*, перс. *murčeh*¹⁷. Несколько труднее связать сванское слово с соответствующими ему груз. *žinčwel-* и занск. *dimčku*.

Сванск. *rang* 'мед (напиток)' < осет. *rong* 'мифический напиток нартов, нектар' (ПС, 299). По-видимому, восходит к др.-ир. **frāna-ka*¹⁸.

Сванск. *sīmak* 'девушка на выданье' < осет. *simæg* 'танцующая массовый танец'. В осетинском идет от глагольной основы *sim-* 'танцевать массовый танец (*simd*)'.

¹⁵ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1, стр. 587—588.

¹⁶ См.: А. С. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси. 1938, стр. 136.

¹⁷ Это сопоставление В. И. Абаева представляется Г. Деетерсу очень смелым. См.: G. Deeters. Bemerkungen zu K. Bouda's südkaukasisch-nordkaukasischen Etymologien. «Die Welt des Orients». Göttingen, 1957, стр. 386.

¹⁸ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1, стр. 348—353.

Сванск. *s'kel* 'голень' < осет. ир. *sk'elæ* / диг. *sčil* 'лодыжка', 'задняя часть ноги' (ср. ПС, 299).

Сванск. *səlxær* 'полоумный' < осет. *sælxær* то же (ПС, 300). В осетинском объясняется как 'имеющий поврежденную (*xoeld*) голову (*sær*)'.

Сванск. *pusn* / *pusd* 'господин' < осет. ир. *fysym* / диг. *fusun* 'хозяин в отношении гостя'. Восходит к др.-ир. **pasumant* 'хозяин скота'¹⁹.

Сванск. *kan* 'конопля' < осет. ир. *gæn* / диг. *gæncæ* то же (ср. ПС, 296).

Сванск. *kardän* 'тряпка' < осет. *kærdæn* 'платок' (ПС, 299). В осетинском является производным от глагола *kærdyn* 'резать', собственно, 'отрезанное, отрез' (ЭС, 583).

Сванск. *kæržin* 'хлеб, испеченный в золе' < осет. ир. *kærzyn* / диг. *kæržin* 'хлеб ячменный или кукурузный' (ПС, 298). В слове налицо осетинский суффикс *-zyn* / *-žin*.

Сванск. *šged* 'лес', 'северный склон горы' < осет. *sægæt* 'северный склон горы' является древней индоевропейской основой, ср. лит. *kaktà* 'лоб', др.-инд. *kakātikā-* 'часть лобной кости'²⁰.

Сванск. *čimāga* / *čamāga* 'обильная пища и питье' < осет. *cytgæ* 'хлебово', 'похлебка', 'кисель'. В осетинском является причастным образованием на *-gæ* от *cytyn* 'хлебать'²¹.

Сванск. *čirt* 'куча камней, собранных с поля, расчищенного под пашню' < осет. ир. *cyrt* / диг. *cirt* 'памятник', 'могила' (ПС, 298). Основа связана с др.-ир. *čidra-* 'знак'.

Сванск. *Werzmeġ* 'собственное имя, встречающееся в сказках, а также в быту' < осет. ир. *Wærcæzmoeg* / диг. *Wyryzmaġ* 'имя нартовского героя' (ПС, 301).

Сванск. *Närt* 'богатырь', 'представитель богатырской породы людей' < осет. *Nart* 'название эпических героев' (ПС, 301).

Сванск. *Satanäj* / *Zitanäj* 'имя чародейки в сказках' < осет. *Satana* 'имя нартовской героини' (ПС, 301).

Сванск. *Sosruqwa* 'имя эпического героя' < осет. *Sozruqo* 'имя нартовского героя' (ПС, 301).

Сванск. *Xabiž* / *Xabžə* 'собственное имя, встречающееся в сказках и быту' < осет. *Xæmys* / *Xæmic* 'имя нартовского героя' (ПС, 301).

Как видно из приводимого материала, с семантической точки зрения сфера аланизмов в сванском языке охватывает прежде всего термины хозяйства и материальной культуры и смежные с ними области словаря, номенклатуру животновод-

¹⁹ Ср. ЭС, 502.

²⁰ См.: О. Н. Трубачев. Три литовских этимологии. 1. *kaktà*, 2. *ziūdas*, 3. *lopšys*. — ЛР, VIII, 1960, стр. 236—237.

²¹ Ср. ЭС, 321.

ства и растительного мира, названия некоторых видов пищи и напитков. Обращает на себя внимание факт наличия имен мифологических героев, заимствованных из осетинского фольклора, и т. д.

Установлено, что фонетический облик сванских, равно как и балкарских и карачаевских аланизмов, примыкает к соответствующим формам западноосетинского дигорского диалекта, что свидетельствует о былых контактах сванских диалектов именно с последним, а не иронским. В ряде случаев выступает архаичный облик таких заимствований по сравнению с современными осетинскими формами, например в гласных вместо *o* налицо *a* (ср. *buran*, *gurana*, *rang*), вместо *æ* также *a* (ср. *arsan*, *talapa*, *kađar*, *čimāga*), в согласных вместо свистящих налицо шипящие (ср. *kəržin*, *šged*, *čirt*) и т. п. Можно думать, что отдельные из рассмотренных выше аланизмов вошли в сванский словарь уже в позднейшее время через балкарский язык²².

Необходимо отметить, что выявлением аланизмов в сванских диалектах до сих пор занимались почти исключительно иранисты, и прежде всего В. И. Абаев. Однако совершенно очевидно, что их систематическое изучение принесет пользу не только иранистике, получившей таким образом важные свидетельства для исторической фонетики осетинского языка: оно скорее должно касаться исследователей картвельских языков, перед которыми уже давно стоит неотложная задача объективной оценки удельного веса всех иноязычных отложений в сванском языке. По-видимому, именно практическое неучастие картвеллистов в этой работе сказывается на популярности среди них точки зрения о смешанном картвельско-адыгском характере этого языка, которая была выдвинута в свое время Н. Я. Марром, сильно переоценивавшим, как известно, фактор межъязыкового влияния. Между тем небольшое число адыгеизмов, представленных в сванской лексике, не может идти в количественное сравнение с выявленными в ней словами аланского (осетинского) происхождения²³. Трудно ожи-

²² ПС, 302.

²³ Об адыгеизмах сванского см.: С. Н. Джанашиа. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи. Картвельско-адыгейские параллели, 1. «Изв. ИЯИМК», XII. Тбилиси, 1942, стр. 249—278; Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. 129. — Тезис об усвоении сванским языком адыгской морфемы эргативно-косвенного падежа *-m* и морфемы третьего лица множественного числа в глаголах *-x* заслуживает последовательной критики из соображений как общих методологических, так и конкретных лингвистических (скудость адыгских заимствований в сванском вообще, объяснимость соответствующих фактов на картвельской почве).

дать сколько-нибудь значительного числа первых и на основании данных культурно-исторического контекста, свидетельствующих о том, что адыгская речь начинает распространяться на осетиноязычной и отчасти тюркоязычной по того времени территории Кабарды в основном в XIV—XV столетиях²⁴.

²⁴ См.: Е. И. Крупнов. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946, стр. 43—45; Л. И. Лавров. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. «Советская этнография», 1956, № 1, стр. 19—28; ср. также: «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». М., 1957, стр. 27—29 и др.